

УДК 93/94

**К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКЕ
НА СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.:
ОСОБЕННОСТИ ИНТЕГРАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ПАРТНЕРСТВА
(ПО ДАННЫМ ГАКК)¹**

С.Л. Дударев

**TO THE QUESTION OF RUSSIAN POLICY
IN THE NORTHWESTERN CAUCASUS AT THE LATE XVIII –
EARLY XIX CENTURIES: FEATURES OF INTEGRATION
AND FORMATION OF HISTORICAL AND CULTURAL PARTNERSHIP
(ACCORDING TO THE GAKK)**

S.L. Dudarev

Аннотация. Рядом современных российских историков показано, что конце XVIII – начале XIX в., при трех правивших тогда самодержцах (Екатерине II, Павле I, Александре I) происходит эволюция отношений верховной власти Российской империи по отношению к Северному Кавказу, в том числе, его северо-западной части, которая и является предметом нашего рассмотрения. Если при Екатерине II и Павле I проводится достаточно осторожная, сдержанная политика, направленная на недопущение обострения отношений с Османской Портой, а в аспекте отношения к горцам характеризуемая как «ласкания», то при Александре I она постепенно начинает сменяться более жесткими действиями («репрессалиями»), которые начинают доминировать с прихода А.П. Ермолова (сменившего администраторов – сторонников «ласканий» – вроде Н.Ф. Ртищева) на пост главноуправляющего на Кавказе и командующего Отдельным Кавказским корпусом. В статье рассматривается ряд недавно опубликованных документов из Государственного архива Краснодарского края, которые, в целом подтверждая эту картину, выявляют интересные нюансы политики С.-Петербурга в отношении Закубанья. В целом, рассмотренные материалы, со своей стороны, еще раз подтверждают, что процесс интеграции горцев Северо-Западного Кавказа (как и всего региона в целом) в состав России и оформления историко-культурного партнерства обеих сторон был сложным, постепенным, многоэтапным и связанным с трудностями объективного и субъективного характера, отягченным, порой, противоречивыми тенденциями (например, феномен мухаджирства), однако протекавшим с преобладанием российского вектора.

Abstract. Several modern Russian historians have shown that at the end of the 18th – beginning of the 19th centuries, under the three autocrats who ruled at that time (Catherine II, Paul I, Alexander I), the evolution of attitude of the supreme power of the Russian Empire

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Кубанского научного фонда в рамках научного проекта «Историко-культурное партнерство народов Кубани как основа формирования духовных ценностей, патриотизма и гражданственности в образовательном пространстве Краснодарского края» № ППН-21.1/26».

towards the North Caucasus took place, including its north the western part, which is the subject of our consideration. Under Catherine II and Paul I, a rather cautious, restrained policy was carried out aimed at preventing the aggravation of relations with the Ottoman Porte, and in terms of attitudes towards Gortsy it was characterized as "caressing", whereas under Alexander I, it gradually transformed into harsher actions ("reprisals"). These harsh actions became dominant with the arrival of A.P. Ermolov for the post of Chief Commander in the Caucasus and Commander of the Separate Caucasian Corps who replaced administrators that supported "caressing" such as N.F. Rtishchev. The article examines a number of recently published documents from the State Archives of Krasnodar Krai, which, in general, confirming this picture, reveal interesting nuances of St. Petersburg's policy towards Trans-Kuban. In general, the materials reviewed once again confirm that the process of integrating the Gortsy of the Northwestern Caucasus (as well as the entire region) into Russia and formalizing the historical and cultural partnership of both parties were complex, gradual, multi-stage. These processes were associated with objective and subjective difficulties aggravated by contradictory tendencies (for example, the phenomenon of muhajirism), however, proceeded with a predominance of the Russian vector.

Ключевые слова: Ясский мирный договор, Закубанье, Черкесия, «ласкания», «репрессалии», закубанские «хищники», черкесо-гаи, черкесские ясыри, закубанские ногайцы, султаны, мурзы.

Keywords: Yassk peace treaty, Trans-Kuban, Circassia, "caressing", "reprisals", Trans-Kuban "predators", Circassian-Gai, Circassian Yasys, Trans-Kuban Nogays, sultans, Murza.

Интеграция Северного Кавказа в состав Российского государства была процессом долгим, сложным и, в целом, многоступенчатым. Его нельзя ни в коем случае представлять как безудержную экспансию великого северного соседа против северокавказских этнических сообществ, совершаемую одномерно, без учета непростой гаммы нюансов социально-политического, экономического и т. п. свойства в широком международном контексте и интересов самих этих сообществ. Примером сказанного является присоединение Северо-Западного Кавказа, в том числе, такое его значимой части, как Закубанье. Настоящая статья призвана показать это на примере опубликованных недавно документов из Государственного архива Краснодарского края (ГАКК) [1], которые являются интересным свидетельством генезиса российской политики на Северо-Западном Кавказе на рубеже двух столетий – XVIII и XIX.

Они, как будет показано ниже, подтверждают те выводы, которые были сделаны ранее историками, о том, что политика российской власти на северокавказском направлении в это период была весьма осторожной, сдержанной, основанной на компромиссах и отступлениях. Мы особенно имеем в виду ситуацию после Ясского мирного договора 29 декабря 1791 г. Не повторяя всего того, что было позиционировано историками-кавказоведами в последнее десятилетие (или несколько более), укажем на следующее.

Екатерина II, несмотря на успех в войне с Турцией в 1787–1791 гг., не была сторонницей присоединения земель Закубанья к Российской империи. Как полагает В.В. Дегоев, вероятно, она желала повторить здесь «крымский сценарий», т. е. вначале добиться независимости данной территории от Османской империи,

и лишь со временем присоединить их к Российскому государству, причем о самой такой перспективе речь царицей не велась ни разу. Более того, в списке геополитических приоритетов того времени Северо-Западный Кавказ стоял ниже Северо-Западного Причерноморья [2, с. 236, 237, прим. 231]. Вполне возможно, к тому же, что императрица учитывала здесь, в известной мере, османский опыт. Ведь и крымские, и турецкие власти также не стремились полного подчинения себе западных адыгов. Как указывает Б.В. Виноградов, крымским, а затем и османским властям было необязательно (или нежелательно? – Авт.) иметь коммуникации и укрепления на территории Черкесии. Присоединение же ее к России поставило бы перед Российским государством ту же задачу: решение емкой, затратной и болезненной проблемы безопасности [3, с. 69–70; 4, с. 111–112]. Императрица предоставила туркам самим решать вопросы правопорядка на левом берегу Кубани. По мнению Екатерины II, было достаточно построить хорошую крепость на Тамани, как олицетворение российской силы и могущества, и одновременно завести там ярмарки и торговлю, с позволением, причем безвозмездным, брать столь необходимую адыгам соль из озер на российском берегу (последнее было вскоре осуществлено) [4, с. 136]. Она полагала, что благодаря таким мерам, «...горские народы и вяще к нам привязаны будут» [2, с. 237]. Так российские власти стремились расположить к себе местное население, не вступая с ним в силовое соприкосновение [4, с. 111]. Впрочем, дело было не только (и, вероятно, не столько) в «цивилизаторских» устремлениях самодержицы (см. ниже), сколько в том, что удержать эти земли российские власти еще не имели ресурсов, ни военных, ни демографических¹ (то же самое можно сказать конкретно об Анапе, несколько раз переходившей из рук в руки). К тому же престарелая Екатерина II (которой оставалось жить меньше четырех лет) безумно устала от этой войны, и стремилась к как можно быстрому ее завершению. Турки, как полагает В.В. Дегоев, вероятно, были осведомлены об этом. Не случайно, главе российской дипломатии на переговорах в Яссах графу Безбородко не удалось добиться «независимости» закубанцев (земли которых виделись самодержице, в идеале, в качестве «барьера» между двумя державами), но даже права на ответные акции против набегов горцев из-за Кубани (см. ниже). Право «обуздывать» горцев, и давать России удовлетворение за их действия, осталось за Портой [2, с. 238, прим. 234; 239]. Тем не менее, в 1792 г. императрица Екатерина Алексеевна разрешила принять под протекторат России народы Северного Кавказа [4, с. 144].

Политика следующего российского государя, Павла I, на Кавказе, по мнению некоторых историков, претерпела существенные изменения по сравнению с предшествующим правлением. Как полагают Б.В. Виноградов и Ю.В. Приймак, российское правительство в конце XVIII в. находилось

¹ Так, Б.В. Виноградов отмечает, что численности Черноморского войска не хватало для экономического освоения Правобережья р. Кубани [3, с. 137]. Что же тогда говорить о территории всего Северо-Западного Кавказа.

в поиске наиболее оптимальных форм взаимодействия как с народами Северного Кавказа, так и в некоторой степени и Закавказья [4, с. 144]. К их числу относится и та политика, которую еще в XVIII в. назвали политикой «ласканий». По существу, стремилась вести ее еще Екатерина II. При Павле I она продолжилась. В рескрипте И.В. Гудовичу от 5.01.1797 император, в частности, указал, что горские народы предписывалось «удерживать в кротости и повиновении ласкою», не допуская ни притеснений, ни отягощений, но при всем том, иметь от них аманатов (!) и направить к ним приставов. Что же касается отношений с Портой, то ей не нужно было давать поводов для подозрений, что Россия ищет с основания для ссоры с Османами [4, с. 142]. Не надо забывать, что причиной для такой позиции было то, что Россия и Османская империя с 1798 по 1802 г. входили во II антифранцузскую коалицию.

В Александровскую эпоху происходит обострение отношений России с Закубаньем. С самого ее начала, по существу, происходит эскалация военных действий (набеги с территории Левобережья, и ответные действия российской стороны, уже санкционированные самим императором) [5, с. 158–163], которые не прекращались и позднее. Так, исследователи отмечают, что в 1806–1810 гг. на Черноморской кордонной линии имели место прорывы горцев из Закубанья [4, с. 173]. По мнению же Ф.А. Щербины, русско-черкесская война началась на почве военной нужды, когда казаки и черкесы одинаково пользовались военной добычей, отнятой друг у друга [5, с. 156]. На фоне этого жесткого противостояния следует выделить деятельность влиятельного и преданного России Султана ген-м. Менгли-Гирея, который, как отмечает З.Б. Кипкеева, в отличие от экспедиций ген. Глазенапа, мирно вывел из Закубанья тысячи ногайцев и абазин [6, с. 95].

Обратимся теперь к опубликованным документам из ГАКК, которые, возможно, прольют новый свет на нюансы тех событий и процессов, о которых речь шла выше.

Так, в «Ордере Черноморского войсковому судье полковнику Головатому от графа П.А. Зубова. 9 мая 1795 г.» [7] речь идет об обращении к российской администрации от лояльного России (что было неоднократно ранее подтверждено) хатукайского князя Аслан-Гирея, который с подвластными ему мурзами принял присягу императрице в том, что: 1. Они будут хранить верность Ее Императорскому Величеству (Е.И.В.) (при этом выясняется, что этот пункт принял и бжедугский князь Батыр-Гирей со всеми его подданными), не наносить вреда подданным России и в том числе, черноморскому войску; по возможности, рассеивать разбойнические скопища абазинцев, а в случае сопротивления и истреблять. 2. Все его, т. е. Аслан-Гирея, подданные будут приведены к присяге (это пока присяга знати). 3. В случае войны с Портой они обязуются не только не вооружаться против России, но и предоставлять помощь, при условии, что их селения будут ограждены от разорения российскими войсками. 4. Князь и мурзы просят принять их табуны на войсковую землю, с оплатой казакам, которые пожелают охранять их от посягательств абазинцев. 5. Хатукайцы

просят дать им возможность перейти на жительство на войсковую землю, «но князь и мурзы вопреки всему требуют, чтобы подданных их на землю войсковую ради жительства не принимать». Все сказанное было представлено Зубовым, получившим информацию от правителя Таврической области генерал-майора Жегулина, на рассмотрение Екатерины II.

Императрица объявила свою волю через П. Зубова следующим образом. Желание обратившихся признано небесполезным, поскольку «для обуздания хищности сих народов содержится тамо всегда знатное число войск, и сильная по линии стража», однако в последнем мирном трактате с Портой (имеется в виду русско-турецкая война 1787–1791 гг., и заключенный по ее итогам Ясский мир), последняя приняла на себя ручательство за народы, живущие на левом берегу Кубани, и обязалась принимать строгие меры по отношению к тем, кто допустит хищения и т. п. Российская сторона понимает, что поручительство османов является недостаточной гарантией для удержания закубанских народов «в пределах спокойствия», поскольку закубанцы, на самом деле, не признают турецкого суверенитета. Но для того, чтобы не дать турецкой стороне повода для обвинений в несоблюдении условий трактата в отношении населения Закубанья, императрица повелела объявить ему, что российские власти не будут вмешиваться в его внутренние дела. Закубанцы властны жить по своим законам и принимать взаимные присяги. Российская сторона не вправе принимать их в том случае, если они будут направлены в ее сторону, поскольку это будет противоречить трактатам с Портой. Однако далее Екатерина II делала важную и знаменательную оговорку: тех князей и мурз, которые высказали «похвальные намерения» принять российское подданство, снабдить тем, что спокойное их пребывание со своими подданными на своих настоящих местах, сохранение ими тишины на границах и удержание подвластных им народов «от хищничеств и беспорядков» будет достойной жертвой государыне, равнозначной самой присяге. Таким образом, сохранение местными владельцами мирного соседства с Российской державой дает им твердую надежду (которую можно рассматривать в качестве гарантии) на высочайшее покровительство и помощь наравне с собственно подданными ее величества.

Одновременно, давая черкесской знати такие веские, и вместе с тем, осторожные обещания, царица позволила конским табунам князя Аслана и всех хатукайских мурз для избавления их от набегов со стороны абазин пастись на землях Черноморского войска с добровольной уплатой умеренных размеров. Тем самым черкесская сторона как бы отдавала свое имущество на сохранение россиянам. Но самое главное было высказано императрицей в самом конце своего повеления. По ее мысли, ближайшее обращение черкесов в пределах российской империи «возможет переменить или смягчить свирепые и хищные нравы их, войско же черноморское оградится спокойствием, получит прибыль и меню возможности умножить и собственное скотоводство свое к выгоде своей и к пользе тамошнего края». Это заявление

Екатерины II указывает на принципиальную линию самодержицы в вопросе о постепенном смягчении нравов северокавказцев. Так, в высочайшем рескрипте от 26.08.1786 об учреждении войска из горских народов речь, в частности, шла о «ротации» членов горских формирований на царской службе, когда одни князья и уздени через определенное время заменялись другими. Как полагала Екатерина II, это должно было послужить «уменьшению, а со временем и истреблению в них грубости и дикости» [4, с. 98]. Этот «цивилизаторский» подход Екатерины II получил наиболее яркое выражение в ее Указе от 2 февраля 1792 г., где было сказано знаменитое «...не единою силой оружия предлежит побеждать народы, в неприступных горах живущие». Такая философия, как явствует из данной фразы далее, состоит, прежде всего, в правосудии и справедливости, в приобретении доверия, смягчении кротостью, необходимости «выигрывать сердца» и приучать горцев больше общаться с русскими [4, с. 118]. Об этой политической линии императрицы уже было указано выше.

Наряду с высокой политикой в «Ордере» присутствуют и важные местные мотивы, которые требуют особого понимания и комментариев. Почему же хатукайцы и бжедуги хотели, чтобы их табуны охраняли, причем за плату, казаки? А причина в том, что если при отражении набега абазин черкесами, кто-либо из последних был бы убит или ранен, то ответственность за это падала бы на убийцу и вызвала бы столетнюю кровную месть. В случае же гибели или ранения абазина от рук казака, последний мог быть, в свою очередь, тоже ранен или убит, но адресной и длительной мести за это с российской стороны не последовало бы. Как было сказано выше, хатукайские князь и мурзы не хотели, чтобы их подданных, т. е. рядовых черкесов, принимали на жительство на войсковую землю. Знать боялась, что последние могли выйти из-под их контроля, перейти в казачье сословие (в том числе, и принять христианство, хотя исторический опыт показал, что казаки-осетины, кабардинцы и др. сохраняли свою мусульманскую принадлежность), получив, тем самым, независимость от прежних хозяев.

Впрочем, политика властей в отношении тех жителей Закубанья, которые желали принять перейти российское подданство, в годы, завершавшие правление Екатерины II, не была однозначной. В «Отношении кошевому атаману генерал-майору З.А. Чепеге от генерал-поручика Хорвата. 22 сентября 1796 г.» [8]. Секретно сообщалось об изменении отношения к тем абазинцам и ногайцам, которые будут добровольно направляться на российскую сторону, спасаясь от «тиранских мучений» со стороны турок. Теперь всем стоявшим на кордонах чиновникам и казакам надлежало с «ласковостью» и без «малейших притеснений» надлежало доставлять представителей этих народов к кошевому атаману. Более того, из документа явствует, что последнему уже известно о «смене курса», т. е. «особливом» ее императорского величества попечении «о приходящих к нам иностранцах». Администратору от имени самой высшей инстанции в империи буквально предписывалось вышестоящим чиновником внушать переселенцам,

что они также будут пользоваться всеми теми выгодами, какими уже пользуются их «соотчичи». Но и это еще не все. Вновь прибывшим «сверх того пожаловано им будет десять лет льготы от всяких повинностей государственных». Перешедших на сторону России следовало отправлять в Симферополь к «правителю области Таврической» ген-м. С.С. Жегулину. Новых россиян следовало заверять, что Жегулин примет их «с подобной же ласковостью, так и водворятся на тех самых землях, кои ими признаны будут за удобные». Такой резкий поворот событий, при всей его неожиданности (не прошло и полутора лет с момента «Ордера» П.А. Зубова), не должен вызывать особых вопросов. Российская администрация всерьез озаботилась освоением Новороссии, и необходимостью заселять пустующие земли.

Но вот проходит всего два месяца, и в Санкт-Петербурге совершается смена власти. Тот же П.А. Зубов направляет С.С. Жегулину письмо, в котором речь идет о просьбе закубанских владельцев султанов Селим Гирея и братьев его Ахмет Гирея и Крым Гирея, которые вместе с подвластными им народами просят о вступлении в российское подданство (Копия письма С.С. Жегулину от П.А. Зубова. 6 декабря 1796 г.) [9]. Из письма следует, что новый император Павел Петрович 3.12.1796 дал высочайший именной указ, которым повелевалось соблюдать положения указа от 3.05.1796 (отсюда мы узнаем, что упоминавшийся выше «Ордер» П.А. Зубова опирался именно на него!), суть которого была в необходимости соблюдать с турками «доброе согласие». Исходя из этого, в именном указе Павла I говорилось об отказе названным султанам, необходимости надлежащего и точного исполнения самого указа и осуществлении отклонения других владельцев от «подобных желаний... пристойными средствами».

С.С. Жегулин, естественно, сообщил об императорской воле в указанном вопросе по инстанции, направив секретный рапорт кошевому атаману Черноморского войска З.А. Чепеге, в котором очень настойчиво акцентировал императорскую волю и наказ атаману об отказе впредь закубанским владельцам (и фигурантам конкретной просьбы и всем прочим) в принятии российского подданства ими и их народами, дабы сохранить с турками «доброе согласие» (Рапорт кошевому атаману З.А. Чепеге от С. Жегулина. 6 января 1797 г.) [10].

Иными словами, при восшествии на престол сына Екатерины II, крайне отрицательно относившегося ко всему, что делалось в период правления его матери, тот продолжил ее еще столь недавнюю политику по части осторожности в делах с Портой. Этот акт явился отражением позиции Павла I в кавказских делах в целом.

Между тем, положение некоторых представителей черкесских верхов (дворян и князей) – сторонников российской власти в Закубанье – становилось все более критическим, причем до такой степени, что некоторые из них прибегали к прямому и открытому бегству, переправляясь через Кубань на лодках вместе с подвластными им людьми. Так случилось в апреле 1798 г. с неким Шостаном Али – именитым дворянином – как его именует

в своем отношении в войсковое правительство есаул, майор и кавалер Мокий Гулик («Отношение в войсковое правительство от майора М. Гулика. 16 апреля 1798 г.») [11]. Шостан Али столь спешно переправился через Кубань «со всем своим семейством и в немалом числе подданных», что казаки с ближайшего бекета (т. е. пикета) едва успели известить о случившемся вышестоящее начальство. По свидетельству М. Гулика Шостан Али, который получил известность в связи с тем, что в 1795 г. был направлен таврическим губернатором С.С. Жегулиным вместе с чингизидом, князем Батыр Гиреем к высочайшему двору, находился в совершенном отчаянии. Он подвергался настолько яростным нападениям со стороны немирных абазин, что в случае, если ему не будет позволено переселение, то Шостан Али грозил утопить в Кубани себя и всех, находившихся с ним, своих подданных. Всего с предводителем на российскую сторону переправилось 49 человек, остальные остались на левом берегу. Прибывшие были приняты и переписаны, о чем остался соответствующий документ (Ведомость перешедших на русскую сторону черкесов во главе с дворянином Шостан Али. 27 апреля 1798 г.) [12]. Об их дальнейшей судьбе неизвестно.

Однако уже в августе того же года ситуация, возникшая с Шостаном Али и его людьми, повторилась с другим хатукаевским владельцем Арслан Гиреем, также испытывавшим проблемы с враждебными действиями все тех же немирных абазин, который просил разрешения у российских властей о переправе себя, своей семьи и имущества на правый берег Кубани (Рапорт войсковому атаману полковнику Т.Т. Котляревскому от войскового есаула Гулика. 6 августа 1798 г.) [13].

Принципиально важным является тот момент, что если ранее такие акции были запрещены Павлом I, то ныне произошли изменения. Определенные перемены во внешней политике, статус владельца, чингизида, имевшего немало подданных, сыграли свою роль.

На акцию по переселению Арслан Гирея и его спутников было получено повеление Новороссийского военного губернатора, опиравшееся на соизволение императора. Для обеспечения прикрытия М. Гулик прислал небольшое орудие и воинскую команду. 5 августа 1798 г. Арслан Гирей прибыл к Новоекатерининскому кордону со всеми своими мурзами и дворянами, но заявил Гулику, что переселение всех его подданных, разбросанных в разных «деревнях», ввиду враждебности абазин, нуждается в более масштабной поддержке российских воинских формирований. Однако на такую Гулик не имел полномочий (да, видимо, и возможностей) и отказал в ней Арслан Гирею, который в подобной ситуации даже не решился перевезти свою семью. Орудие и снаряды к нему были отправлены Гуликом на Ольгинский кордон, как наиболее опасный участок границы, на который закубанские «хищники» (этот термин в документах теперь в постоянном обращении) все время совершают нападения. Переселение было слабо подготовлено и не имело, на тот момент, всех необходимых условий.

Одновременно укажем и на такую сторону происходивших событий. Пророссийская ориентация тех или иных владельцев не была помехой для нападений с их территории на российские земли. Согласно «Копии с письма, посланного черкесскому князю Арслан Гирею бею. 20 октября 1798 г.» [14]. 13.10.1798 из владений этого князя, несмотря на его более ранние уверения (вероятно, в том, что с его территории таковых нападений не будет), был совершен набег на дистанцию Ольгинского кордона и захвачено 24 кордонных лошади и 6 волов. Российский представитель власти просит князя принять меры к розыску и возвращению похищенных лошадей, в противном случае оставляет за собой действовать «удобовозможными» мерами. Прецедент отражает реальную обстановку, когда даже в собственных владениях черкесский князь не мог навести порядок с «хищничеством», которое было плотью и кровью местных социокультурных традиций (своеобразная социализация, род инициации для молодых горцев) [15]. Что же тогда говорить о тех закубанцах, которые не были связаны никакими дружественными намерениями с российской стороной. Их нападения регулярно продолжались, о чем говорит множество документов из ГАКК. Враждебные действия «хищников» привели к тому, что сведения о них достигли слуха императора Павла. В ответ на донесение, полученное им от ген. Михельсона, в котором речь идет о пленении черкеса из «хищнической шайки», император в своем «Отношении» предписал держать этого черкеса аманатом и приказал предупредить черкесов, что если они посмеют совершить с кем-то из российских подданных что-либо негативное, то последует «репрезаль» против заложника. Похоже, что терпение стало заканчиваться и у императора Павла, столь осмотрительного в кавказских делах, и с его прямого указания практика взятия аманатов, являвшаяся частью кавказских политических реалий, была, можно сказать, санкционирована с самого верха, как и «репрезалии» против «немирных» горцев, формально находившихся под юрисдикцией османов.

Одновременно император изменил свою позицию и по перебежчикам из Закубанья. Из «Ордера войсковому атаману подполковнику Ф.Я. Бурсаку от генерала Михельсона. 22 ноября 1800 г.» [16] мы узнаем о том, что перешедшим из Закубанья «ногайцам» (в примечании к документу, сделанном карандашом, они именуются уже черкесами) приказано объявить, что император «всемилоостивейше соизволяет» принять их в российское подданство. После приведения переселенцев из-за Кубани к присяге, их было разрешено отправить в Перекопский уезд, или куда пожелают. Знаменательно, что в карандашном примечании указывается: «На вопрос государя приведены к присяге», т. е. царь продолжал следить за судьбой вновь прибывших. Там же, в примечании, указано, что черкесы поселены в Гривенском ауле при султানে Али Шеретлукоглу. Как известно, это аул и позднее служил местом поселения черкесов (или исторически связанных с ними народов, например черкесских армян (черкесо-гаев), перешедших в российское подданство. Особый интерес представляет «Текст клятвенного обещания. Ноябрь 1800 г.»,

которое давали прибывшие в Россию мусульмане. Его анализ, как и анализ подобного документа, датируемого несколькими годами позже (см. ниже) не входит сейчас в наши задачи. Сейчас же важно указать на то, что новый подданный прямо присягает «Императорскому Величеству Российскому природному великому государю императору Павлу Петровичу самодержцу всероссийскому и его императорского величества любезнейшему сыну государю цесаревичу великому князю Александру Павловичу, законному всероссийского престола наследнику верным, добрым и послушным подданным быть...». Совсем недавно такое было совершенно невозможно. Правда, есть одна существенная оговорка.

Процедура принятия пришельцев из Закубанья в российское подданство включала еще не только «российский ордер», т. е. принятый в таких случаях протокол, но и турецкий (!) (Рапорт войсковому атаману подполковнику Ф.Я. Бурсаку от прапорщика Грибеника. 13 марта 1801 г.) [17]. Так, ногайцы, определенные для жительства в с. Ангелинку в марте 1801 г., приняли присягу по обоим ордерам, подписавшись под соответствующими документами. Возможно, такая «двойная бухгалтерия» была отголоском прежней Павловской осторожности, подкрепляемой внешнеполитической ситуацией.

Пришедший к власти Александр I внимательно и энергично отнесся к донесениям «черноморской войсковой канцелярии о воровствах, грабеже и хищничестве, производимых черкесами и горскими народами», лично отреагировав на происходившее («Отношение генералу от инфантерии Дашкову от императора Александра I. 10 апреля 1802 г.») [18]. Он сообщал властям на Кавказе в лице ген. Дашкова, что если со стороны анапского паши не последует соответствующей «сатисфакции», то «в таком случае учинен будет репресаль со всею строгостью». 30 мая 1802 г. «репресаль» была проведена. Согласно имеющимся данным русскими войсками было захвачено в плен 532 черкеса [19, с. 153].

Два с лишним года спустя, император высочайшим рескриптом от 1.09.1804 г. предписывает «сделать Черноморским войском сильную с той стороны злодеям диверсию» [20]. 4.12.1804 состоялась новая «репресаль». Шапсуги понесли потери убитыми до 400 чел. Были потери и у российской стороны – до 40 убитых, 16 раненых. Офицеры, командовавшие операцией, и мирные мурзы, были награждены орденами Св. Анны 3 класса и медалями «за храбрость и усердие» [19, с. 155]. Иными словами, новый царь выступил преемником своего отца (убитого с его ведома и согласия) в отношении жестких мер против набегов из Закубанья, без особой оглядки на реакцию со стороны Порты. Такая политика нового императора, как мы видим, была мотивирована действиями закубанцев. «Отношение» царя не было результатом сиюминутной реакции на недружественные действия горцев. С началом нового правления наблюдается явная активизация их набегов, о которой говорит ряд вновь изданных документов из ГАКК [21–24 и др.]. Не станем подвергать их специальному анализу, что является задачей будущих исследований, но отметим

другое. Российская сторона теперь не сдерживается в проведении ответных «репрессалий», которые становятся весьма ощутимыми [25–27] и (что нужно подчеркнуть особо) позволяет себе уже без учета мнения турецкой стороны принимать переселенцев из Закубанья в российское подданство.

В обычай входит следующий порядок действий при принятии, вновь прибывших под российскую юрисдикцию. Те, кто желал стать новыми россиянами, являлся на Екатеринодарскую карантинную заставу, либо тот или иной кордон, где они должны были выдержать двухнедельный «карантинный термин», поскольку в Закубанье частыми были вспышки чумы, завозимой с Востока, проходили «собеседование» с представителями властей, которые интересовались наличием у переселенцев сведений конфиденциального характера (прежде всего, что они знают о планах черкесских «набежчиков» и наличии проявлений заразной болезни). После этого следовало принятие присяги и отправка в места нового поселения [28–31]. Среди новых «российскоподданных» «первой волны» видим армян – черкесогаев, переселявшихся со своими черкесскими ясырями (!), собственно свободных черкесов, а также закубанских ногайцев во главе со своими владельцами, в том числе, мурзами, среди которых фигурирует родственник бывших крымских ханов Султан Селим-Гирей, пожелавший поселиться в Крыму или в «удобном месте» Таврической губернии. Впрочем, такие миграции были, порой, отнюдь не однозначными.

В «Отношении в Черноморскую войсковую канцелярию от чиновника Таманского земского сыскного начальства. 14 июня 1805 г.» сообщалось о том, что явившийся к властям Шам-Оглу Бек Мурза Бей, принявший российскую присягу 13.05.1805 г., объявил, что крепостные его ясыри Хакузвы (обозначение ясырей женского пола в российских документах из ГАКК – *Авт.*)¹, а также две его жены и двое сыновей бежали на турецкую сторону 11.06.1805. Сам по себе этот факт является еще одним свидетельством того, что выработка пророссийской ориентации у северокавказцев была процессом длительным и полным противоречий.

Тем не менее, упомянутая присяга (Клятвенное обещание и присяга черкесов русскому царю. Май 1805 г.) [32] сама по себе являлась знаковым моментом в истории российско-черкесских отношений. Согласно этому документу, содержание которого нуждается в отдельных комментариях, присягу российскому самодержцу Александру Павловичу приняло более 100 чел. (мурзы и их люди)², являющихся согласно «Клятвенному обещанию...» «бывшими турецкоподданными». Весь контекст документа указывает на то, что власти, осуществляющие данный акт, не оставляют никаких сомнений в том, что лица, принимающие

¹ Это сам по себе интереснейший факт того, что у ясырей также могли быть зависимые лица.

² Мы допускаем, что данная присяга целой группы представителей закубанских ногайцев является следствием миротворческой деятельности Султана Менгли Гирея по выводу из Закубанья весной 1805 г. беглых ногайцев и абазин, уведенных туда кабардинским князем Асламбеком Мисостовым в 1804 г. [6, с. 94].

присягу, находятся отныне исключительно под российской юрисдикцией и должны выполнять все обязанности российских подданных. Таким образом, переход на российскую сторону жителей Закубанья становится теперь узаконенным Российской империей актом. Мнение турецких «партнеров» в этом отношении если и принималось во внимание российскими властными структурами (начиная с их высших эшелонов), то с оговорками. Во всяком случае, турецкие протесты не были решительным препятствием для репрессалий, хотя после османских демаршей последние и прекращались [6, с. 94]. Такая позиция властей приводит к тому, что переселение (бегство) из Закубанья становится все более распространённым явлением среди населения этого ареала, представители которого из числа черкесских этносов по разным причинам все чаще появлялись в российских пределах с целью перехода на постоянное место жительства [33–37 и мн. др.]. Что характерно, эти люди уже принимались в Россию по упрощенной процедуре – после опроса и карантинного очищения – не предусматривающей уже, судя по документам, принятия присяги, и отправке на будущее место жительства (чаще всего, в Гривенский аул). Весьма любопытно, что происходило это еще до 1829 г., т. е. до того момента, когда население Закубанья фактически, по условиям Адрианопольского трактата, становилось подданными Российской империи.

Таким образом, внешняя политика Российского государства на Северо-Западном Кавказе в самом конце XVIII – начале XIX в. была весьма неоднозначной. В целом она была весьма сдержанной и осторожной в период самых последних лет правления Екатерина II и большей части краткого царствования Павла I, будучи направленной на недопущение проявления недовольства со стороны Османской Порты. Одновременно она может быть охарактеризована, как политика «ласканий» по отношению к горцам, которая циклически проявлялась затем (и продолжает проводиться российскими властями до сих пор) на протяжении следующих 200 лет. Прежде всего, это касалось перехода на российскую сторону жителей Закубанья, как находившихся (до 1829 г.), по сути, под турецким покровительством (сами эти жители не признавали над собой турецкого суверенитета и пользовались протекцией турок, практически, по собственному усмотрению). Однако эта политика исподволь постепенно эволюционировала в сторону «либерализации» процесса перехода закубанцев на правый берег Кубани, а также допущения репрессалий в отношении джигитов из Закубанья, совершавших набеги на российские владения, с нарушением территориальной неприкосновенности закубанской территории. Особенно ситуация изменилась в самого начала правления Александра I, который не только разрешил репрессалии и диверсии, но и фактически предоставил переход в Россию населению Закубанья, сначала с принятием присяги, а затем, по сути дела, и без нее, при соблюдении некоторых формальностей (опроса и карантинного очищения). По существу, это было проявлением такой стороны внешней политики Российской империи, как демографическая борьба за наполнение подданными вновь присоединяемых

территорий, особенно Новороссии. В раннюю Александровскую эпоху на Северном Кавказе еще действовали военные администраторы, исповедовавшие политику «ласканий» (особенно Н.Ф. Ртищев). С 1816 г. командующим ОКК стал А.П. Ермолов, который стал проводить политику «репрессалий», открыв новую эпоху в истории российско-северокавказских отношений. Таким образом, процесс интеграции горцев Северо-Западного Кавказа (как и всего региона в целом) в состав России и оформления историко-культурного партнерства обеих сторон был сложным, постепенным, многоэтапным и связанным с трудностями объективного и субъективного характера, отягченным, порой, противоречивыми тенденциями (феномен мухаджирства), однако протекавшим с преобладанием российского вектора.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection) / A. A. Cherkasov // *Bylye Gody*. 2020. Vol. 57-1. Is. 3-1 (Special issue).
2. Дегоев, В. В. Непостижимая Чечня: Шейх Мансур и его время (XVIII век) / В. В. Дегоев. – М. : Издатель Модест Колеров, 2013. – 256 с. – Текст : непосредственный.
3. Виноградов, Б. В. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. : монография / Б. В. Виноградов. – Славянск-на-Кубани, 2009. – 138 с. – Текст : непосредственный.
4. Виноградов, Б. В. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе в контексте фактора присоединения к России Крымского ханства (1772–1829 гг.) / Б. В. Виноградов, Ю. В. Приймак. – Армавир : АФГОУКИДПО, 2016. – 186 с. – Текст : непосредственный.
5. Щербина, Ф. А. История Кубанского казачьего войска : в 2 т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами / Ф. А. Щербина. – Екатеринодар, 1913. – 880 с. – Текст : непосредственный.
6. Кипкеева, З. Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII–XIX вв. / З. Б. Кипкеева. – Ставрополь : Изд-во СКФУ, 2017. – 330 с. – Текст : непосредственный.
7. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 248. Л. 43–46об. – Текст : непосредственный.
8. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 339. Л. 13–14. – Текст : непосредственный.
9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 15–15об. – Текст : непосредственный.
10. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 353. Л. 12–12об. – Текст : непосредственный.
11. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–1об. – Текст : непосредственный.
12. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 58. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
13. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 196–197. – Текст : непосредственный.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 365. Л. 228. – Текст : непосредственный.
15. Текуева, М. А. Ритуалы мужских инициаций в традиционной культуре адыгов / М. А. Текуева. – Текст : непосредственный // *Культурная жизнь Юга России*. – 2006. – № 2. – С. 21–24.
16. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 427. Л. 2. – Текст : непосредственный.
17. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 427. Л. 4. – Текст : непосредственный.
18. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 443. Л. 4. – Текст : непосредственный.

19. Goran Rajović, Dmitry O. Ezhevski, Alla G. Vazerova, Milica Trailovic. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the Beginning of the 19th Century: Part II // Goran Rajović, et al. // *Bylye Gody*. 2018. Vol. 47. Is. 1. Pp. 153–160.

20. АКАК. Т. II. С. 942. – Текст : непосредственный.
21. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 7–7об. – Текст : непосредственный.
22. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 6–6об. – Текст : непосредственный.
23. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 69. Л. 12. – Текст : непосредственный.
24. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
25. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 86–88. – Текст : непосредственный.
26. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 448. Л. 154–156. – Текст : непосредственный.
27. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 533. Л. 5–5об. – Текст : непосредственный.
28. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 8–8об. – Текст : непосредственный.
29. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 491. Л. 13–13об. – Текст : непосредственный.
30. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 93–93об. – Текст : непосредственный.
31. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 125–126. – Текст : непосредственный.
32. ГАКК. Ф. 250. Оп. 2. Д. 67. Л. 144–146об. – Текст : непосредственный.
33. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 707. Л. 37–37об. – Текст : непосредственный.
34. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 6–7. – Текст : непосредственный.
35. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 63. Л. 14. – Текст : непосредственный.
36. ГАКК. Ф. 261. Оп. 1. Д. 80. Л. 24. – Текст : непосредственный.
37. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 868. Л. 1–1об. – Текст : непосредственный.

REFERENCES

1. Cherkasov A. A. The Circassian Slave Narratives (A Documentary Collection). *Bylye Gody*, 2020, vol. 57-1, iss. 3-1 (Special issue).
2. Degoev V. V. *Nepostizhimaya Chechnya: Shejh Mansur i ego vremya (XVIII vek)* [Incomprehensible Chechnya: Sheikh Mansur and His Time (XVIII century)]. M., Izdatel' Modest Kolerov, 2013. 256 p.
3. Vinogradov B. V. *Integrativnye proekty i dezintegriruyushchie faktory v rossiysko-severokavkazskikh vzaimootnosheniyah kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Vinogradov B. V. Integrative Projects and Disintegrating Factors in Russian-North Caucasian Relations in the Late 18th – Early 19th Centuries]. Monograph. Slavyansk-na-Kubani, 2009. 138 p.
4. Vinogradov B. V., Priymak Yu. V. *Etnopoliticheskaya situatsiya na Severnom Kavkaze v kontekste faktora prisoedineniya k Rossii Krymskogo khanstva (1772–1829 gg.)* [Ethno-political Situation in the North Caucasus in the Context of the annexation of the Crimean Khanate to Russia (1772–1829)]. Armavir, 2016. 186 p.
5. Shcherbina F. A. *Istoriya voyny kazakov s zakubanskimi gortsami* [The history of the war of the Cossacks with the Trans-Kuban Gortsy]. *Istoriya Kubanskogo kazach'ego voyska = History of the Kuban Cossack Host*, Ekaterinodar, 1913, vol. II. 880 p. (In Russian).
6. Kipkeeva Z. B. *Potomki Chingizhana v istorii Severnogo Kavkaza XVIII–XIX vv.* [Descendants of Genghis Khan in the History of the North Caucasus in the 18th–19th Centuries]. Stavropol, NCFU, 2017. 330 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraja* [State Archive of Krasnodar Krai]. (Hereinafter SAKK [GAKK]). Fund 249, inventory 1, case 248, page 43–46 reverse.
8. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 339, page 13–14.
9. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 353, page 15–15 reverse.

10. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 353, page 12–12 reverse.
11. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 1, case 58, page 1–1 reverse.
12. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 1, case 58, page 5–5 reverse.
13. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 365, page 196–197.
14. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 365, page 228.
15. Tekueva M. A. Ritualy muzhskikh iniciatsiy v tradicionnoy kul'ture adygov [Rituals of male initiation in the traditional culture of the Circassians]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii = Cultural Life of the South of Russia*, 2006, No. 2, pp. 21–24. (In Russian).
16. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 427, page 2.
17. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 427, page 4.
18. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 443, page 4.
19. Goran Rajović, Dmitry O. Ezhevski, Alla G. Vazerova, Milica Trailovic. The Exchange of Prisoners as a New Form of the Russian-Circassian Dialogue at the beginning of the 19th Century: Part II. *Bylye Gody*, 2018, vol. 47, iss. 1, pp.153–160.
20. ACAC. vol. II. 942 p.
21. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 7–7 reverse.
22. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 6–6 reverse.
23. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 69, page 12.
24. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 533, page 5–5 reverse.
25. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 448, page 86–88.
26. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 448, page 154–156.
27. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 533, page 5–5 reverse.
28. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 491, page 8–8 reverse.
29. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 491, page 13–13 reverse.
30. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 93–93 reverse.
31. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 125–126.
32. SAKK [GAKK]. Fund 250, inventory 2, case 67, page 144–146 reverse.
33. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 707, page 37–37 reverse.
34. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 63, page 6–7.
35. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 63, page 14
36. SAKK [GAKK]. Fund 261, inventory 1, case 80, page 24.
37. SAKK [GAKK]. Fund 249, inventory 1, case 868, page 1–1 reverse.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дударев, С. Л. К вопросу о российской политике на Северо-Западном Кавказе в конце XVIII – начале XIX в.: особенности интеграции и формирования историко-культурного партнерства (по данным ГАКК) / С. Л. Дударев. – Текст : непосредственный // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2022. – № 2. – С. 78–92.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dudarev S. L. To the Question of Russian Policy in the Northwestern Caucasus at the Late XVIII – Early XIX Centuries: Features of Integration and Formation of Historical and Cultural Partnership (According to the GAKK) / S. L. Dudarev // The Bulletin of Armavir State Pedagogical University, 2022, No. 2, pp. 78–92. (In Russian).